

УДК 81'373.47

В. В. Комарова, Н. А. Осьмак

Комарова В. В., магистрант кафедры английской филологии
института иностранных языков Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: komarovavalentinaa@gmail.com

Осьмак Н. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры языков Северной Европы института иностранных языков
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: natalia.osmak@yandex.ru

ЭТНОФОЛИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ

Лексика является одним из важных средств коммуникации, в связи с чем лексические маркеры, отражающие оппозицию «свой – чужой» можно отнести к наиболее значимым: их исследование позволяет определить зафиксированные в языке представления одного народа о другом. Лингвосемантический анализ контекстов как основной метод дает возможность определить специфику функционирования языка вражды, основанного на стереотипах, определить мишени языка вражды и общие тенденции употребления этнофолизмов в текстах финской интернет-коммуникации.

Ключевые слова: язык вражды; этнофолизм; интернет-коммуникация; оппозиция «свой – чужой»; стереотип; этноцентризм.

V. V. Komarova, N. A. Osmak

Komarova V. V., Master Student, Department of English Philology,
Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University;
e-mail: komarovavalentinaa@gmail.com

Osmak N. A., PhD (Philology), Associate Professor at the Department
of Languages of Northern Europe, Institute of Foreign Languages,
Herzen State Pedagogical University; e-mail: natalia.osmak@yandex.ru

ETHNOPHAULISM AS AN ELEMENT OF HATE SPEECH

Vocabulary is an important means of communication, and lexical markers reflecting the opposition “friend – foe” can be regarded as most significant. These markers allow studying the attitude of one group of people to another as it is reflected in the language. A semantic analysis of Internet communication, as the main method, makes it possible to determine the specifics of the functioning of hate speech based on stereotypes, to identify the targets of hate speech and the general trends in the use of ethnophaulisms.

Key words: hostile language; ethnophaulism; Internet communication; opposition “friend – alien”; stereotype; ethnocentrism.

Введение

В последние десятилетия социокультурное пространство, особенно с точки зрения взаимодействия разных социальных групп, характеризуется возникновением новых очагов конфликтов и напряженности между представителями таких групп. Появление напряженных взаимоотношений между группами связано с активным включением в повседневный нарратив разного рода социальных меньшинств (гендерные, сексуальные, этнические и т. д.).

Существующее межэтническое напряжение функционирует за счет неосознанных механизмов ментальной деятельности: оппозиция «свой – чужой» и стереотипизация, которые являются частью человеческой идентичности, заставляют представителей одной группы испытывать дискомфорт или даже ненависть по отношению к другой группе. Подобные негативные реакции на «чужих» могут вербализоваться в виде различных маркеров языка вражды, в частности этнофолизмов.

Язык вражды представляет собой сложное междисциплинарное образование, оно исследуется учеными с точки зрения ряда гуманитарных наук: лингвистики, социологии, психологии. Междисциплинарный характер данного явления говорит не только о его комплексности, но и вовлеченности во множество сфер человеческой жизнедеятельности, что указывает на актуальность исследования языка вражды. В частности, требуют отдельного исследования этнофолизмы и прочие пейоративы, непосредственно указывающие на нетолерантный характер высказывания.

Целью нашего исследования является определение специфики использования этнофолизмов в финской интернет-коммуникации, для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

1. Сформулировать теоретическую базу исследования, рассмотреть понятия языка вражды и этнофолизма.
2. Определить особенности этнофолизма в финском языке.
3. Выделить частотные по употреблению в финской интернет-коммуникации лексические единицы – этнофолизмы.
4. Проанализировать контексты интернет-коммуникации на предмет специфики употребления этнофолизмов.

Основными теоретическими источниками данного исследования послужили посвященные изучению языка вражды работы А. М. Верховского, А. В. Евстафьевой, А. В. Гладилина, а также исследования этнофолизмов А. И. Грищенко.

Понятие языка вражды и его функционирование

Понятие «язык вражды» является достаточно новым и не имеет теоретической базы, которая удовлетворяла бы всех исследователей. По этой причине ученые используют дефиниции, которые раскрывают суть явления в достаточной для конкретного исследования мере. Для нашего исследования предпочтительным будет следующее определение, как достаточно узкое и выделяющее этнический аспект языка вражды: «Язык вражды должен пониматься как включающий в себя все виды выражений, которые используются для распространения, провоцирования, стимулирования или оправдания межрасовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других форм ненависти, основанных на нетерпимости, в том числе: интолерантность в виде агрессивного национализма, этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств и мигрантов» [Neuvonen 2015].

А. В. Евстафьева также отмечает важные компоненты языка вражды как вида коммуникации: негативное значение и адресация [Евстафьева 2007].

Появление языка вражды в межкультурной и, в частности, межэтнической коммуникации объясняется в первую очередь особенностями психики человека. Противопоставление своего «я» всем остальным, а затем уже оппозиция «мы – они» или «свои – чужие» берут начало еще в философских работах Фейербаха и марксистском учении. Встреча одной социальной группы с другой позволяет членам данных групп осмыслять себя как общность, дает им почву для идентификации себя определенным образом. Осмысление того, что «они» – не «мы» вызывает острое желание отделиться от «чужого», продемонстрировать «их» чуждость. Б. В. Поршнев обращает внимание на тот факт, что даже в первобытном обществе «мы» мыслилось как люди, а «они» – как не совсем люди [Поршнев 1966].

Такая реакция человеческой психики приводит к сегрегации и возникновению социальных стереотипов, предубеждений, этноцентризма, на которых и базируется язык вражды.

Типология языка вражды

Для данного исследования и понимания языка вражды немаловажную роль играет типология, предложенная А. М. Верховским. Она включает ряд видов языка вражды, которые, в свою очередь,

дают лучшее понимание того, какие коммуникативные ситуации рассматривать как нетолерантные. Далее виды языка вражды делятся на три группы в соответствии со степенью негативности или враждебности относительно социума, что также дает представление о том, какие коммуникативные ситуации оказывают большее негативное влияние на рассматриваемые социальные группы. Для исследования были отобраны наиболее релевантные виды языка вражды (далее – ЯВ) в каждой группе.

Жесткий ЯВ:

1. Открытый призыв к насилию.
2. Открытый призыв к дискриминации.
3. Завуалированные призывы к насилию и дискриминации.

Средний ЯВ:

1. Оправдание случаев насилия или дискриминации
2. Утверждения о криминальности / негативном влиянии или же превосходства той или иной группы.

Мягкий ЯВ:

1. Создание негативного образа той или иной аутгруппы.
2. Утверждение о неполноценности той или иной аутгруппы.
3. Упоминание аутгруппы в унижительном контексте.
4. Утверждение о моральных недостатках той или иной аутгруппы.
5. Цитирование ксенофобных высказываний и текстов [Язык вражды против общества 2007].

Этнофолизм

Несмотря на то, что в отечественном языкознании употребляется термин «экспрессивный этноним», в данном исследовании используется термин «этнофолизм», так как он точнее раскрывает значение данной группы лексики: в нем отражено присутствие этнической составляющей, с одной стороны, и пейоративности – с другой.

Под этнофолизмом понимается уничижительное эмоционально-оценочное наименование для представителей расовых, национальных или этнических групп [Грищенко 2007]. Этнофолизмы принадлежат к стилистически сниженной группе лексики, так как изначально

возникают в социолектах [Борисова 2014]. Также исследователи отмечают существование общеупотребительных этнофолизмов и ограниченных в употреблении (этнофолизмы, используемые профессиональными или маргинальными группами) [Грищенко, Николина 2006].

Этнофолизм в финском языке

Прежде чем переходить к рассмотрению этнофолизмов в интернет-коммуникации, необходимо рассмотреть явление в контексте финского языка. В ходе исследования закономерностей, присущих финским этнофолизмам, была разработана классификация на материале примерно 280 лексических единиц, взятых из финских словарей: *Suuri kirosanakirja* и *Suuri nimitelysanakirja*, составленных Яри Тамми, а также электронного словаря *Urbaani Sanakirja*.

В отличие от классификации А. И. Грищенко [Грищенко, Николина 2006], которая является достаточно общей и строится на факте мотивированности лексических единиц, данная типология состоит из двух блоков:

- 1) созданные семантическим способом;
- 2) созданные по словообразовательной модели.

В первый блок входят этнофолизмы, семантика которых понятна говорящему, она обнажает заложенный в него стереотип об определенной этнической группе, расе или национальности. К ним относятся:

- описательные (морфологические признаки той или иной группы людей), например: *riisisilmä* «*рус + глаз*», *musti* «*черный*»; описание массмедийных стереотипов *aids-raiskaaja* «*спид*» + «*насильник*» – *темнокожий*);
- номинации:
 - типичные имена: *abdullah* – *араб*;
 - имена исторических личностей или деятелей культуры: *atini* (*Иди Амин*) – *темнокожий, африканец*;
 - имена персонажей: *peppi pitkäossu* (*Пенни Длинный чулок*) – *швед*;
 - номинации со значением приезжий: *tami* (*maahan-tuuttaja* – *иммигрант*, также используется в значении *беженец / приезжий*);
 - наименования животных: *apina* («*обезьяна*») – *темнокожий, африканец*;

- со значением деятеля: *taatelintallaaja* («выжиматель фиников») – араб;
- метонимический перенос:
 - типичная еда: *kebab* («кебаб») – араб;
 - религия: *hindu* («индус») – индиец;
 - национальный танец, одежда или прическа: *sombrero* – мексиканец;
 - наименования национальных и социальных меньшинств: *beduiini* («бедуин») – араб;
 - речь: *hurri* (*hur, huru*) – швед.

Второй блок включает этнофолизмы, образованные по словообразовательной модели, а также заимствованные из других языков лексические единицы, обозначающие какую-либо этническую группу или национальность. Сюда входят:

- этнонимы, измененные по словообразовательной модели:
 - усечение: *pakistanilainen* → *paki* – пакистанец;
 - усечение с фонетическими изменениями: *kiinalainen* → *kinu* – китаец;
 - усечение с суффиксацией: *venäläinen* + *kko* → *venakko* – русская;
- заимствования:
 - этнофолизмы из других языков: *jenkki* (из англ. *yankee*) – американец;
 - этнофолизмы, подвергшиеся фонетическим изменениям: *nigger* → *nekru, nekke, neku, neppe, nikkari, nägeri, nega, nege*;
 - самоназвания: *ruski* («русский») – русский.

Этнофолизм в финской интернет-коммуникации

Материалами для анализа послужили посты и комментарии на форуме Suomi24. Причиной исследования материалов именно с форумов послужило то, что в отличие от полноценных письменных блогов, они деперсонализированы, т. е. предоставляют бóльшую свободу в плане экспрессивности и приводят к пересмотру социальных ограничений, а ограниченный объём сообщений способствует пересмотру языковых норм.

Для исследования из имеющихся 280 лексических единиц были отобраны 28 наиболее часто используемых на данном ресурсе.

Исследование показало, что этнофолизмы, представленные в финской интернет-коммуникации можно разделить на две группы: национальные меньшинства (выходцы из ближневосточных стран и Африки, а также цыгане) и ближайшие соседи (в эту же группу включены и США).

Первая группа этнофолизмов, *национальные меньшинства*, составляет 75 % всей выборки. К ним относятся:

mustalainen, manne – цыган,
ählämi / ähly/ählämi – араб;
musti – темнокожий;
mehmetti / mahmetti – араб;
kafferi – темнокожий;
mökkäkikkeli / mökkakorva / mökkamuna – темнокожий;
musu – темнокожий, араб, мусульманин;
negridi – темнокожий;
neku – темнокожий;
nokikeppi / nokikolari – темнокожий, цыган;
rikastuttaja – беженец;
rättipää – выходец из Среднего Востока;
arabterroristi – араб;
muslimi – араб;
mamu – беженец;
kamelikuski – араб.

Среди этих этнофолизмов две лексические единицы обозначают цыган, 11 – темнокожих, шесть – выходцев из восточных стран и две – беженцев.

Из 21-й лексической единицы три использовались в контекстах, которые относятся к мягкому языку вражды, все остальные принадлежат к среднему языку вражды. Рассмотрим в качестве примера один из контекстов, принадлежащих среднему языку вражды:

Tuupillistä mustalaisten käytöstä. *Mannet* ovat roskaväkeä, paskasakkia. Eläneet Suomessa satoja vuosia eivätkä vieläkään osaa käyttäytyä, hävetkää perkeleet! Sitten vielä ihmettelevät kun heitä kaikkialla halveksitaan ja vihataan. Sitä saa mitä tilaa, niin makaa kuin petaa. – «Типичные цыгане. Цыгане – “народ-мусор”, “мешки с дерьмом”. Живут в Финляндии сотни лет и до сих пор не научились себя вести, позорные демоны! Потом еще удивляются, почему их все презирают и ненавидят. Получили то, за что боролись».

В данной группе избыточны пейоративные номинации, основанные на морфологических признаках (цвет кожи, например, *musti* «черный») и массмедийных стереотипах (*arabterroristi* «араб + террорист»), а также на метонимическом переносе (религия, типичная прическа и т. д., например, *ählämi* – метонимический перенос на основании речи и ее копирования), и типичные имена (*Manne* – цыганское имя). В меньшей степени использовались этнофолизмы, представляющие собой заимствования или этнонимы, измененные по словообразовательной модели, их четыре из 21-го (*tamu* от *maahanmuuttaja* – *иммигрант*), они же представляют собой «мягкий язык» вражды, так как употреблены в менее негативных инфоповах.

Этнофолизмы, называющие ближайших соседей, составляют 25% выборки. Из них шесть называют ближайших соседей (русские, шведы, норвежцы) и один – американцев. К лексическим единицам этой группы относятся: *ruusä* (русский), *jenkki* (американец), *hurri* (швед), *venakko* (русская), *norski / norsku* (норвежец), *ruosu / ruotsikko* (швед), *svenski* (швед). Из данных этнофолизмов только один принадлежит к среднему языку вражды, остальные относятся к «мягкому языку» вражды. В данной группе три лексические единицы из семи образованы от литературных этнонимов, измененных по словообразовательной модели (например, *venakko* – русская), а три являются заимствованиями (например, *jenkki* – американец). Лишь один этнофолизм образован с помощью метонимического переноса (на основании копирования речи: *hurri* – швед).

Из семи лексических единиц только одна использована в контексте, принадлежащем среднему языку вражды, в остальном для данной группы характерно использование в менее негативных контекстах. Рассмотрим в качестве примера часть контекста, относящегося к «мягкому языку» вражды:

Tekopyhät **norskit!** Olisivat suomalaiset kysyneet Jörkenin sanomisista ja muisteluista Joohawkista, kun Iivon juttuja Myllylästä moittivat... – «Лицемерные норвежцы! Могли ли финны попросить Jörken вспомнить и прокомментировать ситуацию с Йохауг, когда Йиво критиковали из-за Мюллюля...»

Исследование показало, что этнофолизмы, обозначающие национальные меньшинства, являются более пейоративными, по сравнению

с теми, которые обозначают ближайших соседей. Во-первых, пейоративность можно определить по выбору лексических единиц: в отношении национальных меньшинств активнее используются описательные номинации и метонимический перенос, которые являются вербализованной стереотипизацией и четко иллюстрируют оппозицию «свой – чужой». Во-вторых, более негативное значение можно проследить по контекстам, в которых они использованы: негативные инфоповоды, связанные с криминализацией данной группы. Приведем пример контекста с негативными оттенками значения этнофолизма, обозначающего этническое меньшинство:

Suojatyökeskus Yle kutsuu aamutöilläön sexologin puolustamaan suomalaisia naisia raiskaavia ählyjä ja afroja! – «Центр защиты труда Yle приглашает на утреннюю программу сексолога, чтобы защитить африканцев и арабов, насилующих финских женщин».

Оттенки значения, которые можно выделить на основании рассмотренных контекстов: 1) «паразиты», «нахлебники»; 2) насильник; 3) беженец / иммигрант.

Если говорить о массиве этнофолизмов в целом, то можно сделать вывод, что группа лексических единиц, образованных семантическим путем, т. е. с понятной носителям языка семантикой, будет более пейоративной и дискриминирующей по сравнению с образованными по словообразовательной модели.

Этнофолизмы, относящиеся к среднему языку вражды, используются в связи с негативными инфоповодами, такими как *война, преступления, насилие, терроризм*. Этнофолизмы, принадлежащие «мягкому языку» вражды, также сопровождают негативный инфоповод, однако в них отсутствует криминализация определенной этнической группы.

Заключение

Исследование языка вражды и его маркеров, в частности этнофолизмов, в интернет-коммуникации позволяет сделать ряд интересных для межкультурной коммуникации выводов.

Исследование этнофолизмов позволило не только выявить «жертв», но и увидеть некоторую градацию в отношении разных объектов языка вражды: например то, что национальные меньшинства внутри страны

фигурируют в большем числе негативных инфоповодов, связанных непосредственно с финским обществом, и поэтому к ним обращены более пейоративные тексты. Ближайшие соседи также существуют в негативной повестке, но уже в меньшей степени. Из стран, которые находятся на достаточном удалении от Финляндии, в пейоративных текстах встречается лишь Америка, что предсказуемо в связи с политикой США и их огромным влиянием.

Также можно заметить некоторую специфику употребления данных лексических единиц и сделать выводы о существующих моментах социальной напряженности. Как уже было сказано, этнофолизмы в основном используются в текстах с негативным инфоповодом, который в зависимости от того, насколько это влияет собственно на внутреннюю жизнь Финляндии, может вызывать разный уровень отторжения к объектам языка вражды и, следовательно, подключать к коммуникации большую / меньшую долю стереотипизации, этноцентризма и мышления через оппозицию «свой – чужой».

Исследование также показало, что все лексические единицы используются в контекстах с определенным посылом (криминализация, обвинения в насилии, унижение достоинства), из которых можно выяснить некоторые особенности коннотации данных слов. Это говорит о том, что разные этнофолизмы будут иметь разный уровень пейоративности и, следовательно, разную роль в системе угнетения и дискриминации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова И. З.* Этноним «китаец» / «chinois» в этнофолизмах на примере французского языка // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2. С. 69–74. [Borisova, I. Z. (2014). Ethnonym "Chinese" / "Chinois" in ethnofolisms on the example of the French language. *Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Philology, History and Oriental Studies*, 2, 69–74. (In Russ.)].
- Грищенко А. И., Николина Н. А.* Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 175–187. [Grishchenko, A. I., Nikolina, N. A. (2006). *Ekspressivnyye etnonimy kak primety yazyka vrazhdy* (Expressive ethnonyms as signs of hate speech). In I. T. Vepreva, N. A. Kupina, O. A. Mihajlova (eds.), *Yazyk vrazhdy i*

- yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremenosti* (vol. 20, pp. 175–187). Ekaterinburg: Ural University Publishing House (In Russ.).
- Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8–9 июня 2007 г. / гл. ред. Н. А. Николина. Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52. [Grishchenko, A. I. (2007). *Istochniki vozniknoveniya ekspressivnykh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i angliiskom yazykakh: etimologicheskii, motivatsionnyi i derivatsionnyi aspekty* (Sources of the emergence of expressive ethnonyms (ethnofolisms) in modern Russian and English: etymological, motivational and derivational aspects). In N. A. Nikolina (ed.), *Aktivnye protsessy v sovremennoi leksike i frazeologii* (pp. 40–52). Yaroslavl': Remder. (In Russ.)].
- Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Тверь, 2009. [Evstaf'eva, A. V. (2009). “Yazyk vrazhdy” v sredstvakh massovoi informatsii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funktsionirovaniya: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk (*“Hate speech” in the media: linguistic and extralinguistic factors of functioning*): abstract of PhD in Philology. Tver'. (In Russ.)].
- Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. [Porshnev, B. F. (1966). *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya (Social psychology and history)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Язык вражды против общества: сб. статей / сост. А. М. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. [Verkhovskii, A. M. (2007). *Yazyk vrazhdy protiv obshchestva (Hate speech against society)*. Moscow: Tsentr “Sova”. (In Russ.)].
- Neuvonen R. *Vihapuhe Suomessa*. Helsinki: Edita, 2015. (In Fin.)
- Tammi J. *Suuri kirosanakirja : uusi laitos*. Helsinki: Pilkku-idis, 2016. (In Fin.)
- Tammi J. *Suuri nimittelysanakirja : haukkumaherkkujen aarrearkku*. Helsinki: Pikku-idis, 2014. (In Fin.)